

СВЯТЫНЯ ПОД СПУДОМ

Тайна православного монашеского духа

От составителя

*Один сеет, а другой жнет, другие
трудились, а вы вошли в труд их.*

(Ин. 4, 37–38)

Предлагаю благочестивым читателям материал, на живых и ярких примерах повседневной жизни выясняющий истинную тайну монастырской миссии, проливающий яркий свет в самые затаенные уголки монашеского сердца, освещающий внутреннюю келейную жизнь иноческой души, которая изливала в материале этом мысли свои и чувства не для славы и чести мирской, не для удовлетворения самолюбивой гордости, а глаголала от избытка сердца к самой себе и к своему Богу. Материал этот — келейные заметки, письма, черновики, а также записи некоторых выдающихся событий внутренней монастырской жизни, мною найденные в книгохранилищах Оптиной Пустыни, мною собранные и систематизированные в форме дневника ныне уже приложившегося к праотцам Оптинского иеромонаха Евфимия (Трунова). Не ему одному принадлежал этот материал, — он был досто-

янием коллективного Оптинского духа, — но я присвоил его ему одному, потому что при жизни восстановителя Оптинской славы Архимандрита Моисея он был к нему едва ли не самым близким лицом; потому что он вел дневник всему тому, чему был очевидным свидетелем во все время долголетней иноческой жизни, начавшейся еще во дни основателя старчества в Оптиной Пустыни, старца Льва, продолжавшейся при его преемнике по старчеству, старце Макарии, и окончившейся во дни современника нашего, старца Амвросия Оптинского; и, наконец, потому, что, по отзывам его современников, он сам был иноком выдающейся духовной жизни. Дневник отца иеромонаха Евфимия послужил мне канвою с намеченным его рукою узором, но самый узор, как и драгоценнейший жемчуг дивного шитья, составлен и собран из многоцветных раковин, извлеченных из сокровенных глубин безбрежного и бездонного моря великого Оптинского духа, питавшего православную русскую мысль в таких богатырских ее представителях, как братья Киреевские, Гоголь, Достоевский и те «молодые» богатыри, имена которых — как звезды на тверди православного русского неба.

Во всем, что собрано здесь, самоизмышленного моего нет: все это — плоть от плоти, кость от кости Оптинских насельников и им по духу присных. Что же касается изложенных здесь фактов, принадлежащих к области духовной христианской жизни и ее силы, то моего в них — только одна редакция.

Чувствую и всем сердцем моим сознаю, что не моей меры труд этот, что он не исчерпывает и кап-

ли единой великого сосуда Оптинского, но смелости моей и дерзновения оправданием да послужит быстрота и натиск злобного духа времени, устремляющегося внушить присным своим рабам и служителям похоронить навеки еще живое и житнетворное тело православного монашества. При таких условиях начавшейся роковой борьбы некогда размышлять о достоинстве оружия, впору только и без необходимых доспехов ринуться в жестокую сечу и хотя бы одним телом своим на время заградить гробокопателям доступ к разверстой ими могиле.

Но если дни, нами с великой скорбью переживаемые, в небесной книге жизни записаны как дни совершения такого злодеяния, и живому еще цветущему христианству, каким во все времена было истинное монашество, уже настало время быть заживо погребенным в безвременной могиле, — то пусть и малый, и несовершенный труд мой этот покажет остатку верных, «какой светильник разума угас, / какое сердце биться перестало...»

Сергей Нилус

1845 год

13 мая

Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй грешного раба Твоего, иеродиакона Евфимия!

Пресвятая Богородице, спаси мя, грешного!

Уединение

— Скажи мне, — спросил некто своего уже углубившегося в благочестие друга, — отчего иные любят уединение и ищут его, а другие не терпят и от него убегают? К одному и тому же такое противоположное расположение в людях — откуда оно?

— Когда нет вокруг тебя шума, — отвечал он, — тебе слышно, если кто, хотя бы и тихо, стучится к тебе в дверь. Потому, если ты ждешь в уединении к себе друга или благодетеля, то всячески желаешь освободиться от шума, чтобы в тишине уловить первое его прикосновение к твоей двери и спешить к нему навстречу. А если недруга или грозного су-

дию ждешь ты, то желал бы, чтобы шумом тебе заглушили несносный тот стук. Но Сам Бог изрек однажды вслух всего человечества: «Се стою при дверях и толку» (Апок. 3, 20). Поэтому, для кого Бог есть Бог любви и кто сам любит Его, тот бежит от шума суеты мирской в уединение: там, когда святая, таинственная тишина осеняет и объемлет его, ему слышно, как ударяет в двери сердца его Бог любви.

Напротив, кто в совести своей сознает, хотя бы незримо и неслышно для его разума, что Бог для него есть Бог суда, и кто не любит Его — тот бежит из уединения, чтобы шумом света заглушить несносные удары перста Божия. Когда чувства его заглушаются быстрым движением вещей мирских, когда разум омрачается чашею удовольствий света, ему не слышно, как стучится в двери сердца его грозный Судия Бог или тяжкий посетитель — пробуждающаяся совесть.

Наказание за самочиние, в ночь под 1 августа приключившееся

На монастырской рыбной ловле, что по контракту по реке Жиздре и в озерах казенного леса против села Полошково, находились монахи Афанасий, послушник Алексей Иванов (с давнего времени на рыбном послушании) и несколько человек рабочих. По разным случаям, а более чтобы не терять времени напрасно, воспрещено им было отцом игуменом выбирать мед и огребать пчел из дубов, попадавшихся им нечаянно в казенном лесу. В ночь под 1 августа трое — мо-

нах Афанасий, послушник Алексей и один рабочий — выбравши в глуши леса, в верху дуба, мед, захотели огрести и пчел. Алексей предчувствовал беду и не соглашался, но, понуждаемый Афанасием, влез с работником на дерево. Вдруг Алексей оступился и полетел с верха дуба на землю и весь разбился: переломил челюсти, позвоночник и поранил себя топором, который у него был за поясом. Кроме рук, у него все онемело. Живой мертвец!.. Печаль настоятелю и братии, а монаху Афанасию — язва по гроб...

13 октября, пополудни в третьем часу, скончался послушник Алексей Иванов, страдавший с 1 августа жестокой болезнью от ушиба, полученного им при падении с дерева. Все время, более семнадцати лет, он трудился в послушании при монастырской рыбной ловле, в простоте сердца. Грамоте не учен; послушлив и уступчив всякому. Промучившись в жестоких страданиях с 1 августа по 13 октября, живой мертвец, он питался только теплотою или жидким киселем, а за 8 дней до смерти он и того не мог принимать в пищу. Часто приобщался Святых Таин, был соборован св. елеем и терпел свои страдания благодушно, с самоукорением.

12 октября он крайне изнемог и пополудни приобщился Св. Таин.

В ночь с 11-го на 12-е, часу в двенадцатом, он тихо подозвал к себе больничного послушника Иону и прошептал в восторге:

— Смотри-ка, брат, вон пришли три Ангела! Какие хорошие! Ах, как мне весело и радостно, что они пришли!

Через несколько минут он опять подозвал Иону, охватил его руками и опять в восторге шептал ему:

— Смотри-ка, смотри-ка, брат, вон идут два митрополита!

— Как их звать? — спросил Иона.

— Не знаю, брат, как звать-то! — отвечал больной в восхищении.

13 октября, во время ранней Литургии, Алексей причастился еще раз Св. Таин, а в 3-м часу попудни скончался тихо, в надежде Божией милости за претерпение болезни.

От роду ему было около 40 лет; росту среднего; светло-русый. Погребен 15-го, в понедельник.

25 октября

Отправлен из монастыря указом по назначению в Харьков, к начальнику тамошней губернии, бывший иеромонах Греко-униатского обряда, Флавиан Лисовский. К нам в монастырь был прислан по распоряжению Св. Синода 12 июля 1842 года из Загоровского монастыря Волынской епархии для продолжения увещания к рассеянию его заблуждений и возвращению в Православие.

Прожив в монастыре нашем три года и два с половиной месяца, Флавиан Лисовский оказывал наружное повиновение настоятелю; к братии относился услужливо, оказывал ревность во внешних добродетелях, твердость, но только не в унии, а в католичестве; приверженность же свою к папе римскому он доводил до обожания. При увещаниях он говорил, что готов был бы присоединиться к Правосла-

вию, но боится трех страшных присяг, данных им папе. По делам же Лисовского впоследствии обнаружилось одно притворство и иезуитские приемы привлечь кого-либо к своему католическому мудрованию. Флавиан более всего старался обольстить кого-либо из простодушных и немощных, но Человеколюбивый Господь покрывал их Своею благодатию.

Однажды живущий в соседней с Флавианом келье рясофорный монах Георгий, полуграмотный, простосердечный и престарелый, услыхав от Флавиана противное Церкви мудрование о Пресвятой Богородице, начал вечернее свое правило в келье своей и подумал: «А может быть, и в самом деле правильнее верует Флавиан: ведь он и живет честно!»

При этой мысли Георгий вдруг оцепенел и не только не мог продолжать своего правила, но и повернуться не мог. Испугавшись, он тут же упрекнул себя мысленно в согласии с Флавианом и воскликнул со слезами: «О Пречистая Дево Богородице! Согреших аз пред тобою: помилуй мя, грешного!»

И пал на колени пред иконою. Оцепенения как не бывало, и он окончил правило.

Полутру он объяснил все духовнику, а духовник посоветовал ему не иметь общения с Флавианом.

В присланном послужном списке Флавиана, в графе «Каких качеств и способностей» — отмечено: «корыстолюбив; особенных способностей не имеет, только к Богослужению, но и того по упрямству не совершал».

Таково воспитание папистов!